

Мартин Брусис

Теории политического перехода. Краткое изложение состояния проводимых исследований

(проект доклада, перевод с английского языка)

Несмотря на значительный рост объема сравнительных исследований на тему демократизации после целого ряда политических переходов, произошедших в Восточной Европе в 1989-90 годах, ученые до настоящего времени не пришли к согласию относительно комплекса созвездий действующих лиц и стратегий, которые являлись бы необходимыми и достаточными для установления и упрочения демократических институтов. Тогда как в ранних исследованиях подчеркивалось значение заключения пактов между реформаторами внутри правящей элиты и умеренными лидерами оппозиции, в более поздних исследованиях упор делался на том, что стабильная демократия возникла только на базе таких созвездий, в которых демократические политические деятели доминировали над силами авторитарного режима. Явная консолидация после второй половины 1990-х годов политических режимов, расположенных между полной демократией и полной автократией, привела к возрождению структурных подходов. Такие попытки объяснения рассматривают конфликты государственности, социально-экономические условия и культурное наследие в качестве более важных факторов смены режимов, чем деятельность политических элит.

В центре внимания последних сравнительных исследований в особенности находится одно значимое социально-экономическое условие — экономическое неравенство. Одной из главенствующих теоретических идей такой литературы является то, что демократически избранные правительства производят распределение от политических элит в пользу большинства граждан. Следовательно, переход к демократии интерпретируется как обязательство со стороны авторитарных политических элит принять такое перераспределение. Рост неравенства при авторитарных политических режимах способствует тому, что граждане начинают угрожать находящейся при власти группе революцией, которая приведет к перераспределению. Правящие элиты могут ответить репрессиями, но могут и сделать выбор в пользу демократии, если цена репрессий будет выше цены перераспределения. Правящие элиты склонны предпочесть демократическое правление при наличии промежуточного уровня экономического неравенства. Такой уровень склоняет граждан угрожать революцией, ограничивая при этом потери в доходах, которых элиты должны бояться в случае демократии.

К сожалению, эта теория пока что не в состоянии указать пороги неравенства, которые обеспечили бы политический переход. На более фундаментальном уровне ее критики утверждают, что политический конфликт во время перехода касается не перераспределения, а защиты прав собственности и других гражданских прав от вмешательства государства. С такой точки зрения демократизация является собой контракт между социальной группой — буржуазией в контексте исторических реалий Запада — и авторитарными правителями о правах и правилах участия в целях защиты граждан от произвола государственного вмешательства. Эта точка зрения указывает на наличие связи между ростом экономического неравенства и вероятностью демократизации, так как рост неравенства свидетельствует о возникновении класса, наделенного собственностью, и интереса к защите собственности.

Демократические прорывы, произошедшие в Сербии, Грузии, Украине и Кыргызстане, вызвали новую волну теоретизирования о роли политических деятелей при сменах режимов. В связи с тем, что толчком к переменам во всех этих случаях стали массовые протесты против жульнических выборов, исследователи стали заявлять, что ключевым актером демократических перемен является мобилизованное гражданское общество, а не авторитарные реформаторы или изолированные от общества оппозиционные группы. Выборы представляют собой возможность для мобилизации и могут стать символом как силы демократического движения, так и нелегитимности правящих элит.

В сравнительных исследованиях таких «демократизирующих выборов» было определено несколько факторов в качестве решающих для смены режима. Основные оппозиционные партии смогли образовать стабильный альянс. Этот альянс тесно сотрудничал с группами гражданского общества, во-первых, чтобы убедить избирателей принять участие в выборах, а во-вторых, для контроля над избирательным процессом. Для привлечения граждан к массовым общественным протестам против «украденных выборов», предшествовавших передаче власти, понадобилась широкая мобилизация и наличие убедительных доказательств фальсификации выборов. Кроме того, правящие группировки недооценивали свою электоральную поддержку и свою способность к «корректировке» впоследствии результатов выборов. В случае Грузии, Украины и Кыргызстана решающие выборы совпали с переходом власти от долго действовавшего президента к назначенному им преемнику. Такая ситуация создавала дополнительную неуверенность в правящих элитах, приводя их к разобщению и последующему перебежанию некоторых групп элит перед лицом общественных протестов.

Ранний успех демократизирующих выборов, явные параллели между странами и ограниченность усилий по проведению таких кампаний способствовали распространению такой «электоральной модели перехода», чему способствовало активное западное сообщество поборников демократии. Однако, как кажется, авторитарные правители также извлекли урок из существующих примеров и разработали стратегии сдерживания мобилизации гражданского общества.

Другие ученые по-прежнему считают, что элиты в деле политического перехода имеют большее значение, чем гражданское общество. Они ожидают возникновения перехода в результате сотрудничества между либеральными реформаторами внутри государственной власти и экономическими элитами внутри общества. Одной из основополагающих идей в данной сфере исследований является то, что авторитарное правление поддерживается с помощью целой сети отношений по типу непотистского, кумовского обмена. Политическая власть обеспечивает доступ к государственным ресурсам и возможностям для частного бизнеса в обмен за политическую лояльность и воздержание. В целях укрепления дисциплины и поддержания обусловленного характера предоставленных прав и ресурсов политическое руководство избирательно наказывает явных перебежчиков из стана экономической элиты. Это возможно, если на пути экономических элит, желающих предпринять согласованные коллективные действия против таких избирательных репрессий, существуют препятствия.

Как кажется, такая сеть патронажа, лежащая в основе авторитарного правления, поддерживается с помощью ренты, взимаемой с природных ресурсов и крупных государственных секторов. И, напротив, частный сектор экономики ассоциируется с монополизацией и рассредоточением власти. Одним из лейтмотивов приватизации государственных активов в бывших социалистических государствах Восточной Европы было предоставление возможности политическим элитам конвертировать свой социально-

политический капитал в экономический. Считалось, что данный процесс при всем нарушении принципов социальной справедливости приведет к замене политических элит и разделу экономической и политической сфер. Однако новые капиталисты продолжали находиться в зависимости от политического патронажа, а также часто предпочитали защищать свои материальные интересы путем поддержки политического руководства. Они представляются «условными демократами» в том смысле, что не привержены глубоко демократии.

Какие факторы способствуют созданию альянса между такими капиталистами и либеральными реформаторами внутри правительства? Одним из факторов может быть распространение малых и средних предприятий. Как правило, у таких бизнесов не хватает ресурсов и личных связей, требующихся для поддержания отношений патронажа с влиятельными политическими деятелями. Они могли бы получить пользу от коллективных и общественных стратегий защиты своих деловых интересов, которые привели бы к укреплению независимости судов и непредвзятости государственной администрации.

Еще одним фактором может быть «рейдерство». Перед лицом экспроприации со стороны деятелей государства и режима капиталисты могут предпочесть перебежку в стан политической оппозиции. Такие перебежки наблюдались в связи с образованием политических партий в нескольких постсоветских странах. Поэтому наряду с декларированной целью стремления подотчетности государственной власти гражданам кампании против коррупции среди государственных чиновников можно также рассматривать как политику, направленную против излишне хищного поведения в отношении капиталистов.

Третьим важным фактором, как кажется, является повышение мобильности капитала. Капиталисты, способные переводить за рубеж свои активы, могут лучше защитить себя от рейдерского захвата своих компаний. Кроме того, у них меньше стимулов в пользу соучастия в патронажных схемах. Однако, вероятно, такой вариант выхода снижает также их стимулы в пользу поддержки протестов оппозиции. Перевод бизнеса в другую страну может оказаться намного менее рискованным делом, чем уход в оппозицию. Тем не менее, как представляется, мобильность капитала придает силы реформаторам внутри правительства, так как те могут более убедительно защищать господство права в качестве орудия предотвращения бегства капитала, необходимого для модернизации экономики. С учетом глобализации национальных экономик сегодня вряд ли целесообразно сдерживать мобильность капитала административно-нормативными мерами, направленными, например, на запрет зарубежных банковских счетов или на деофшоризацию частного бизнеса.

Взаимосвязанным, четвертым фактором в поддержку коалиции между капиталистами и либеральными реформаторами являются иностранные инвестиции. В связи с тем, что политическим элитам иностранные инвестиции необходимы для модернизации экономики, а также для достижения экономического роста и развития, у них появляются стимулы в пользу уважения и защиты прав собственности у иностранных инвесторов. В этих целях требуется проведение политики укрепления независимости и профессионализма судов, а также надежности и беспристрастности государственной администрации. В свою очередь, такая политика, вероятно, вызовет эффекты перетекания в интересах защиты гражданских свобод и подотчетности власти в качестве ключевых элементов либеральной демократии.

Однако же такие эффекты могут носить ограниченный характер. Межнациональные корпорации со штаб-квартирами на Западе продвижению демократической подотчетности могут предпочесть покупку для себя

индивидуальной защиты. Политическое руководство может стремиться к разделению государственного сектора, основанного на патронаже, от рыночного частного сектора. Укрепление правопорядка будет ограничено только частным сектором, обеспечивая стабильную и надежную деловую среду, тогда как государственный сектор продолжит функционирование в соответствии с логикой взаимоотношений личного обмена, выступая в качестве материально-общественной базы правящей элиты. Демократизирующие эффекты перетока могут также оказаться ограниченными глубоко укоренившимися в местной системе культуры верованиями, определяющими, например, что Россия — это не «Запад». Такая мнимая «инакость» может выступать в качестве мощного орудия легитимизации для того, чтобы объяснить и обосновать, почему нельзя перенести западные модели либеральной рыночной экономики и демократии.